

ческому еврейского айдестетиса, который активно «участвовал» в европейской культуре, но тотально ею умалчивался, раскрывает возможность деконструкции этой культуры в сторону оживления и участия человека в самой культуре, пока же прогресс в европейской культуре уничтожает человека. Деконструкция представляется Лиотару единственным путем спасения человека вообще в рамках технического и рационалистического прогресса.

Альтернативу прогрессу Лиотар пытается найти в работе «Либидинальная экономика» [9]. Он полагает, что в разных культурах возникают своеобразные круги эквивалентности, подобные эквивалентности товарного обмена. Культура может к этому кругу эквивалента относиться по-разному. Лидийцы, по мнению Лиотара, вводят в этот круг все и утрачивают естественное состояние человека, что ведет к вырождению культуры. Греки вырабатывают меру, в которой есть граница частного и естественного, которое не входит в круг воспроизводства. При этом варианте круг воспроизводства все же заражает логикой обмена естественное, которое вырождается, несмотря на меру. Наконец, в еврейской культуре, благодаря избранности, естественное, по мнению Лиотара, не трогается, отношение к нему исходит из будущего, а естество не отчуждается. Именно иудейская, а не греческая (ни римская и не христианская) культура обладают для европейской культуры способностью показать подлинное и снять отчуждение. Если европейская культура умалчивает этот «разотчуждающий»

механизм, то она оказывается ограниченной в выборе способов развития и видения сути своего прогресса.

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». СПб. : Аксиома, 2001. 187 с.
3. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-П. Нацистский миф. СПб. : Владимир Даль, 2002. 77 с.
4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 1017 с.
5. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1970. С. 248–293.
6. Соловьев Вл. Чтение о богочеловеке // Соч. М., 1912. Т. III. С. 5–185.
7. Соловьев Вл. Смысл любви // Соч. М., 1914. Т. VII. С. 3–63.
8. Левинас Э. Путь к другому. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2007. 240 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Либидинильная экономика. М. ; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.

© Николин В. В., Николина О. И., Чинакова Л. И., 2019

УДК 177

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-39-43

ПРАКТИЧЕСКАЯ ИДЕАЛИЗАЦИЯ В БИОПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается практическая идеализация как широко распространенная практика биополитической стратегии властной организации жизненного пространства человека. Воплощая идеал в формах ориентира, идеального типа, образца и эталона в самых разнообразных сферах социальной жизни, практическая идеализация выступает драйвером развития человеческих мегамашин биополитическими средствами. Американская мечта, тейлоризм, фордизм, конвейерное производство потребителя — характерные примеры практической идеализации. Практическая идеализация — технология воспроизводства цивилизации, ориентированная на биополитические расширения технического прогресса.

Ключевые слова: практическая идеализация, биополитика, человек.

PRACTICAL IDEALIZATION IN BIOPOLITICS

The article deals with the practical idealization as a widespread practice of biopolitical strategy of the power organization of human living space. Embodying the ideal in the forms of the cue, ideal type, sample and standard in the most diverse spheres of social life, practical idealization acts as a driver of development of human mega-machines by biopolitical means. The American dream, Taylorism, Fordism, consumer conveyor production are typical examples of practical idealization. Practical idealization is a technology for the reproduction of civilization, focused on biopolitical expansion of technological progress.

Keywords: practical idealization, biopolitics, human being.

Практическая идеализация, по сути, оксюморон, в котором парадоксальным образом сочетается несочетаемое. Идеализация сигнализирует о духовных усилиях человека, направленных на формирование представлений о возвышенном, совершенном — не от мира сего сущем. Практи-

ческая деятельность, напротив, проективна, целесообразна, приземлена — нечто от мира сего. Вместе с тем практическая идеализация не химера. В практической идеализации по линии горизонта сходятся «небеса» идеала и «земля» повседневно. Идеал (лат. *idealis* от греч. ἰδέα — образ,

идея) трансформируется в «реал» (от лат. *realis* — вещественный, действительный), обретая плотность, форму и становясь регулятивом в деятельности людей.

Человек как *animal symbolicum* привычно ориентируется на знаки; социальные группы, общество, цивилизация формируют необходимые для жизни людей семиотические комплексы, в которых некоторые элементы обладают особым статусом, становясь конституирующими. Всякое жизнеспособное общество имеет свой «символ веры» в формах *faith*-веры или *belief*-веры (Д. В. Пивоваров). История показывает, что идеократические системы не являются сводом абстрактных правил. Образность, наглядность, прикосновенность к жизни, воплощенность в образцах — жизненно важная сторона идеократий. Города наполнены монументами, учебники повествуют о подвигах героев, даже массовая культура породила культ супергероев — аватаров силы и загадочных суперспособностей. Человечество в идеократиях во многом воспроизводит структуры мифологического мировоззрения: «Почитание Героев, выражаемое различно в различные эпохи мира, есть душа всякой общественной деятельности среди людей...» [1, с. 212]. «Почитание Героев, в душах героических, ясных и мудрых людей, — это постоянное присутствие Неба на нашей бедной Земле» [1, с. 290]. Герой — идеал, обретший плотность.

Почитание героев находит свое выражение, например, в культе правителя. Истории известны «отцы народов». Квинтэссенцией идеализации правителя является на сегодняшний день КНДР, где каждый правитель обретает обширный перечень титулов. Например, среди титулов отца нынешнего северокорейского лидера Ким Чен Ына — Ким Чен Ира можно встретить: «Отец народа», «Любимый Руководитель, который полностью олицетворяет прекрасный облик, которым должен обладать лидер», «Судьба нации», «Великий человек, сошедший с небес», «Нежно любимый отец», «Спаситель». Подобные эпитеты значительно превосходят рассуждения об идеальном правителе в конфуцианской традиции, опирающейся на противопоставление идеальных типов благородного мужа и низкого человека. В корейской традиции присутствует обожествление лидера в форме, подобной той, что существовала в Средние века, когда различали физическое брненное и духовное мистическое тело короля.

Следует согласиться с Э. Ильенковым, полагавшим, что век Просвещения, приняв эстафету у эпохи Возрождения, «сформулировал свои четкие тезисы относительно идеала, выдвинул против средневекового спиритуалистического идеала свой, земной идеал» [2]. Именно парадигма земного идеала задает шаблон и масштаб применения практической идеализации. Отказ от кантовского представления о том, что идеал каждый раз «отодвигается ровно в той мере, в какой к нему приближаются» [2], а также выход за пределы эстетического понимания идеала, «обитающего» в гетто искусств, привел к процессуальному пониманию идеала, в рамках которого «идеал, то есть образ высшего совершенства, вполне достижим для человека» [2]. Само совершенство словно прошло путь от абстрактного к конкретному: теперь оно стало пониматься прагматично. Совершенно то, что является лучшим (в зависимости от контекста — максимальным, минимальным, оптимальным) на данный момент.

Идеал — нечто безупречное в том или ином отношении. Это одновременно образец и ориентир — эталон, выступающий основанием для сравнения и критерием совершенства. Идеал — нечто сбалансированное, находящееся в пределах меры между избытком и недостатком, не имеющее изъянов, на которые можно было бы обратить внимание с позиций имеющихся знаний. Идеал — предел, мыслимый в конкретном отношении; граница, за которой может находиться нечто еще более совершенное, но невыразимое, неопишное и, следовательно, не-сущее здесь и сейчас.

В подобных воззрениях отразился дух времени — дух научного поиска, технического изобретения, машинного производства. Совершенное не совершенно, модифицируемо, оно располагается на шкале модельного ряда, конвейерной линией уходящего в бесконечность. Совершенство преходяще, зримо и ниспровергаемо. Пропасть между абсолютным совершенством и тварным убожеством заполнилась линейным прогрессивистским пониманием ограниченно совершенного. Машинная цивилизация наложила неизгладимый отпечаток на представления об идеале. Во-первых, машина в чем-то превосходит человека и, значит, в чем-то совершеннее. Чем дальше машина модифицируется, тем больше дистанция от человека. Идеальная точность, слаженность действий, наибольшая скорость, сила, выносливость — свойство машины. Мало-помалу человек стал рассматривать машину как идеал в том или ином отношении. Во-вторых, машина задала способ воспроизводства цивилизации, окончательно ставшей мегамашинной, внося в социум логику внешней детерминации, характерной для механизма, в котором «каково бы ни было соотношение соединяемых [объектов], оно чуждо им, не касается их природы, и, хотя бы оно и было связано с видимостью чего-то единого, оно все же остается только сложением, смесью, кучей и т. д.» [3, с. 159].

Одной из важнейших сторон воспроизводства цивилизации-машины стала биополитика — властная организация жизни населения. Биополитика возникает «как научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве “населения”» [4, с. 271]. Биополитика — область конструирования государственно-одобряемых и социально-приемлемых моделей жизнепроектирования, которые, словно формы в сборочных цехах производств, становятся матрицами, формирующими конкретных людей. Семья, школа, городское (сельское) сообщество, церковь, армия, профессиональная гильдия — «сборочные цеха» «фабрики» по производству живого человека — обывателя, потребителя, прихожанина, гражданина, солдата — индивида, удобного политическому союзу как инициатору, проводнику и основному бенефициару биополитики.

Биополитика родилась в рамках заимствованной из механики теории баланса сил, потребовавшей от европейских монархов инвестиций в собственное население как в инструмент увеличения мощи собственного государства. Мощь государства позволяла сохранять власть, не становиться жертвой агрессии, занять достойное место в сложной подвижной механике панъевропейского мира. Биополитика предстала в виде механической суммы разнонаправленных

усилий, обеспечивающих качественное развитие и количественную мультипликацию населения (увеличение его численности и продолжительности трудоспособного периода жизни индивида; улучшение образования, квалификации, здоровья, законопослушности, лояльности, удовлетворенности жизнью и т. д.).

И именно в области биополитики практическая идеализация стала широко применимой технологией. В ходе практической идеализации в рамках заданной биополитической стратегии властного управления жизнью населения идеал выразил себя в формах ориентира, идеального типа, образца и эталона в самых разнообразных сферах социальной жизни.

В биополитике осознание связи между мощью государства и процветанием населения выразилось в инвестициях в население. Это стало отправной точкой для создания систем здравоохранения и образования, породило современную полицию и пенитенциарную систему. Затронул этот процесс и экономику. Например, протекционизм в духе Ф. Листа [5] или болезненная отмена закона Спинхемленда [6] в Великобритании могут быть поняты как меры стимулирования производителя и формирования рабочего класса соответственно, что было направлено в перспективе на повышение благосостояния населения. В этом проявляется стремление к идеалу общества процветания, но плохо просматриваются ориентиры, направляющие конкретного человека — не видна «экономическая антропология» (Т. Седлчак) процесса.

Другое дело — американская мечта (American Dream). Формула со многими неизвестными. В число неизвестных входит все то, о чем мечтает человек. Это может быть личный бизнес, свой дом, кресло президента, любовь, семья, Нобелевская премия — что угодно. Для Джея Гэтсби — могущество и всеобщее обожание, для Говарда Хьюза — самолетостроение, для Леонардо Ди Каприо — Оскар, для Илона Маска — колонизация Марса и превращение человечества в межпланетарную цивилизацию. Содержание мечты субъективно, индивидуально, прихотливо. Но в американской мечте есть инвариант. Американская мечта — это мечта о личном успехе, достигнутом собственной деятельностью в условиях всеобщих равных социальных возможностей достижения мечты. Американская мечта — «мечта о стране, где для каждого человека жизнь должна быть и лучше, и богаче, и полнее, где у каждого должны быть возможности, соответствующие его способностям или достижениям... Это не просто мечта об автомобилях и высокой зарплате, это мечта о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина смогут расправиться во весь тот свой рост, к достижению которого они внутренне способны, и получить признание — в качестве таковых, каковы они есть, — от других людей, вне зависимости от случайных обстоятельств, своего рождения и положения» (цит. по: [7, с. 348]).

Американская мечта — идеал успеха, и в этом отношении — ориентир. Индивидуальный и общественный. Для индивидуума американская мечта выполняет функцию мотиватора, для общества — регулятора. В обоих случаях мечта трансформирует жизнедеятельность человека и систему социальных отношений. В американской мечте

выражается надежда и стремление к осуществлению идеала такого социального порядка, в рамках которого человек живет свободно, опираясь на собственные способности. Американская мечта живет тем, что она сбывается. Мечта об успехе воплощена в self-made man (Г. Клей). Американская мечта и есть практическая идеализация в сфере экономики — она не технология и не рецепт, не имеет конкретного содержания и ничего не гарантирует, но, призывая к вере в свои силы, указывает путь, который может привести к желаемому результату. Но всякий раз, когда результат достигнут, происходит воплощение идеала. И эта «магия» воплощения труднодостижимого запускает бесчисленные новые попытки достижения цели, что закладывает экономико-антропологическую модель функционирования рыночного капиталистического общества.

Американская мечта — пример практической идеализации, в которой идеал предстает как удаленная цель, ориентир, маяк. Биополитическая стратегия стимулирования экономики выигрывает от сближения мотивационной сферы индивидуума и государственно-установленных правил игры, в рамках которых функционирует экономика.

Однако практическая идеализация в экономике может выполнять и иную важную роль — создавать образцы, обеспечивающие необходимый режим ее функционирования. Например, к рабам в Древнем Риме разборчивый управляющий именем предьявлял определенные требования: «Так, пахарь должен был быть высоким и сильным, не особенно умным, сурового вида, с грубым голосом, но кроткого нрава. Виноградарь, напротив, нужен мускулистый, среднего роста, проворный, сообразительный, даже дерзкий. Такие характеры... чаще всего встречаются среди колодников, как правило, закованных за свое проворство, ум и дерзость» [8, с. 187].

Идеальный (образцовый) раб — основа эффективной рабовладельческой экономики. Идеальный раб не данность. Хозяин, следуя логике Марка Сидония Фалкса, должен сам показать образец поведения, необходимый для работника в успешном хозяйстве. «Если говорить начистоту, следует признать, что рабы обычно следуют примеру своих хозяев. Ведь трудно научиться чему-то, если учитель плох. <...> ...Ожидать от рабов, что они станут лучше, можно лишь в случае, если вы ими руководите и подаете пример» [9, с. 99]. Идеальный раб — результат практической идеализации, в рамках которой оптимизированные физические и личностные характеристики раба воплощены в облике, быте и деятельности конкретного индивидуума благодаря внешнему воздействию образца поведения хозяина.

Ф. У. Тейлор — основоположник научной организации труда. Он отказался от системы инициативы и поощрения, опирающейся на личные качества и навыки работника, и заявил, что «развитие научной организации труда предполагает выработку многочисленных правил, законов и формул, которые заменят собою личное суждение индивидуального рабочего и которые могут быть с пользой применяемы только после того, как был произведен систематический учет, измерение и т. д. их действия» [10].

Формирование идеального работника напоминает отбор идеального раба. Например, «одним из первых качеств,

требующихся от человека, годного для переноски чугунных болванок в виде постоянной профессии, является такая тупость и флегматичность, которая делала бы его похожим по характеру, скорее всего, на вола» [10].

Новое, в сравнении с Древним Римом, заключается в обобщении огромного массива эмпирических данных о труде, что позволяет создавать оптимальные модели трудовой деятельности сообразно каждому виду таковой деятельности. Система Тейлора — система тщательного отбора наиболее подходящих работников, которых целенаправленно обучают трудовым навыкам в соответствии с требованиями научной организации труда. Хозяин древнеримского имения отличается от главы фирмы тем, что подает личный пример и доверяет старинным правилам отбора рабов, в то время как владелец процветающего предприятия опирается на точные расчеты, позволяющие создать капиталистическую мегамашину, где при помощи оптимизированного ручного и машинного труда производятся машины, как это было в компании Г. Форда — эталоне капиталистического предприятия своего времени.

Практическая идеализация в системе тейлоризма приобретает системный характер. Образцовые работники трудятся сообразно образцовым инструкциям и создают образцовое предприятие, на которое равняются другие. Подобная форма практической идеализации, в основе которой лежит идеал как образец, а конечный результат может явиться идеалом в форме эталона, — распространенное явление в современной цивилизации. Подобная машинная логика охватывает общество целиком, превращая его в особого рода рыночную мегамашину.

Следует отметить, что логика тейлоризма заразительна. Искушение вычислить оптимальные параметры деятельности выходит за рамки экономики. Ведь не только «промышленник, который хочет, чтобы его рабочие работали постоянно и без прогулов, должен заботиться о соответствующем подкреплении их поведения, и не только с помощью заработной платы, но и с помощью подходящих условий работы» [11]. Бихевиоризм распространил практику конструирования (программирования) поведения из экономики в политику, образование, далее — повсеместно. «В любой области, важной характеристикой которой является поведение, — образовании, управлении, семье, здравоохранении, промышленности, искусстве, литературе и т. д., — мы постоянно изменяем вероятности реакции с помощью их подкрепления» [11]. Будучи однажды запущенным, конвейер оптимизации поведения и деятельности человека продолжает работать по сей день, выверая геометрию и арифметикой масс социальное пространство.

Практическая идеализация позволяет конструировать образцы, равняясь на заданный эталон, превращая их в детали более сложной (мегамашинной) конструкции — конечного бенефициара подобной стандартизации человека.

Отметим характерную особенность. Идеальный не значит лучший, совершенный. Идеальный означает соответствующий определенному образцу. Идеальный — стандартный, сообразный эталону. Свойства идеального в таком случае определяются той целью, ради которой введен стандарт, установлен эталон. Например, если цель общества — построить «дисциплинарный санаторий» (Э. Лимонов),

в котором мягкие формы насилия формируют пасторальное пространство порядка, а «возбуждающиеся» взяты под особый контроль, то эталоном мироустройства будет «идеальный больной». «Идеальный больной (гражданин) определяется по наименьшему количеству хлопот, доставляемых им обслуживающему персоналу. Идеальный больной передвигается не медленно и не быстро. Он не хохочет, но и не грустен. На лице идеального больного всегда присутствует тихая приветливая ослабленность (вспомним знаменитую американскую улыбку)... Идеальный больной не возбуждается» [12]. Идеальный больной — «герой» нового образца. Он обезличен. Если идеал в древности выражался в уникальной личности героя, то «санаторная эпоха» возводит в ранг идеальных граждан «звезд», «суперзвезд», «селебрити». Распространенными образцами идеального больного становятся миллионеры и кинозвезды, функцией которых является производство денег и олицетворение фальшивого героя соответственно.

Общество санаторного типа само себе идеал — воплощение периода конца истории, преодолевшего войны, голод и (почти) смерть (Ю. Харари). Идеальный больной — шаблон, на который опирается серийное производство человека. Практическая идеализация в изобилии создает образцы, на которые ориентируется биополитическая стратегия общества потребления. Образцы зрими и существуют в режиме визуальной доступности. Голливуд и Уолл-стрит серийно производят идеальных героев санатория. Учитывая преимущества санаторного режима, опирающегося на методы мягкого насилия, образцовыми становятся даже профессии: «...идеальными больными можно назвать couturier... чемпионы тенниса и шахматисты — идеальные невозбуждающиеся профессии» [12]. Идеальный больной — точка сборки общества потребления. Идеальность идеального больного заключена в абсолютном соответствии этого человека-детали техническим характеристикам мегамашины общества потребления. Действительно, «идеологическая постройка, на которую опиралась древняя мегамашина, была реконструирована и поставлена на обновленный и более прочный фундамент. Мощь, скорость, движение, стандартизация, массовое производство, количественное измерение, регламентация, точность, единообразие, астрономическая правильность, контроль, прежде всего контроль, — все эти понятия стали ключевыми паролками современного общества» [13, с. 381].

Биополитическая стратегия общества потребления научилась изготовлять идеального потребителя. Ради этого следовало заняться «сборкой» человека едва ли не с момента его рождения. С этой целью общество потребления трансформировало школу. Именно школа, следуя логике И. Иллича, занялась определенной разновидностью практической идеализации — созданием идеального потребителя, встроенного в систему общества потребления. Иллич полагает, что «школа формирует прогрессирующего потребителя», «школы... превращают людей в современных производителей и потребителей», он рассматривает школу как «репродуктивный орган потребительского общества» [14, с. 58, 65, 77]. Иллич считает, что «школьная система везде имеет одну и ту же структуру... Повсюду скрытый учебный план вышколивания навязывает гражданам

миф о том, что бюрократическое руководство научными знаниями эффективно и доброжелательно... И повсеместно это развивает привычку к провальному потреблению» [14, с. 76].

Круг замкнулся. Общество потребления, полагаясь на биополитическую стратегию, увязывающую мощь государства и процветание населения, в ходе практической идеализации научилось создавать идеальные образцы, становящиеся эталоном и ориентиром для социальных институтов, серийно изготавливающих потребителей, — залог воспроизводства мегамашины современной технократической цивилизации.

Итак, практическая идеализация — обыкновенное чудо современной цивилизации. Меняется мода. Если в 1960-е гг. девушки стремились быть хрупкой, как Твигги, то сегодня не прочь иметь формы, как у Ким Кардашьян. Тысячи сделали пластические операции, чтобы быть похожими на Анджелину Джоли, многие ходили в тренажерный зал, чтобы фигура отдаленно напоминала фигуру Арнольда Шварценеггера. Мода — паноптикум практической идеализации, набор образцов, телеология телесных форм, манер поведения, образов жизни — каталог воплощенных мечтаний. Впрочем, мода лишь сторона цивилизации, ориентированной на телесное воплощение идеала. «Современная массовая культура, возводя “телоцентризм” в статус мировоззренческой установки, создает... ситуацию, в которой телесность обретает субстанциональный статус и становится основной характеристикой данной культуры» [15, с. 5]. Практическая идеализация — конвейерная лента, с которой сходят образцы — детали мегамашины общества потребления, возникшего в результате воплощения в жизнь основной биополитической стратегии Нового времени, связавшей усиление государства с процветанием населения. Практическая идеализация — технология воспроизводства цивилизации, ориентированной на технический прогресс. Идеал в форме «реала» — вещественного, наиболее совершенного на данный момент образца — видимый ориентир вектора биополитической трансформации современной цивилизации.

1. Карлейль Т. Теперь и прежде / сост., подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М. : Республика, 1994. 415 с.

2. Ильенков Э. В. Проблема идеала в философии // Caute : [сайт]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/iki/ideal.html> (дата обращения: 05.05.2019).

3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 3. Учение о понятии. М. : Мысль, 1972. 371 с.

4. Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург ; Ижевск : ИФиП УрО РАН, 2018. 286 с.

5. Лист Ф. Национальная система политической экономии // Лист Ф. Национальная система политической экономии. Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. М. : Европа, 2005. С. 23–258.

6. Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетей, 2002. 320 с.

7. Согрина В. Е. «Американская мечта» как часть культурной идентичности американцев. Эволюция и развитие понятия // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург, 2016. С. 347–349.

8. Кузицин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М. : Изд-во МГУ, 1990. 270 с.

9. Тонер Дж., Фалкс М. С. Как управлять рабами : пер. с англ. М. : Олимп-Бизнес, 2015. 240 с.

10. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента // Политех : электронная библиотека. URL: <http://elib.spbstu.ru/dl/quality/management/PrNauchnMen/prnauchnmen.html> (дата обращения: 05.05.2019).

11. Скиннер Б. Оперантное поведение // Psychology OnLine.Net : [сайт]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-2221.html> (дата обращения: 05.05.2019).

12. Лимонов Э. В. Дисциплинарный санаторий. М. : Амфора, 2002. 248 с. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=83869> (дата обращения: 05.05.2019).

13. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества : пер. с англ. М. : Логос, 2001. 408 с.

14. Иллис И. Освобождение от школ. М. : Просвещение, 2006. 108 с.

15. Колесник М. В. Телоцентризм в эпоху массовой культуры : моногр. Омск : Изд-во Ом. экон. ин-та, 2010. — 136 с.

© Попов Д. В., 2019